

Из наследия М.О. Чудаковой

Катрин Депретто
(Университет Сорбонны)

In memoriam.

МАРИЭТТА ОМАРОВНА ЧУДАКОВА
(2 ЯНВАРЯ 1937 — 21 НОЯБРЯ 2021)¹

Мариэтта Чудакова, один из лучших историков русской литературы двадцатого века, знаменитый специалист по Булгакову и Зощенко, скончалась в Москве от ковида в возрасте 85 лет. Ее семья по отцовской линии была родом из Дагестана². В 1959 году она окончила филологический факультет МГУ и с 1965 по 1984 год работала в Ленинке, Библиотеке имени В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека). С 1985 года она преподавала в Литературном институте в Москве. Во время перестройки и затем при Ельцине Мариэтта Чудакова активно участвовала в процессе либерализации России³, а начиная с нулевых стала обличать авторитарность режима и предупреждала об опасности реабилитации Сталина⁴. Во время одной из наших последних встреч в 2016 году она активно выступала против установки памятника Ивану Грозному в Орле и выпустила брошюру, напоминавшую о том, каким было царствование Ивана Грозного и как Сталин идеализировал его для оправдания Большого террора (1936—1938).

Вовлечение в общественную жизнь не было чем-то новым для Мариэтты Чудаковой. Она принадлежала к поколению оттепели, и в ее профессиональной деятельности всегда присутствовал общественно-просветительский аспект. В области изучения русской литературы XX века это значило, с одной стороны,

1 Впервые: *Revue des études slaves*. 2022. Vol. 93. No. 1. P. 211—218.

2 Мариэтта Чудакова — сестра известного искусствоведа и критика, Селима Хан-Магомедова (1928—2011).

3 В период с 1994 по 2000 год она была членом Комиссии по помилованию при Президенте РФ.

4 Для Мариэтты приоритетом было также воспитание и образование подростков. См.: *Чудакова М.* Рассказы про Россию 1861—1922. М.: Время, 2020.

сделать все возможное для расширения документальной базы. От этого ее стремление собрать неизвестные материалы о литературном прошлом, в частности о писателях, которыми она занималась (например, ей удалось встречаться с вдовами Михаила Булгакова и Михаила Зощенко). Она также настаивала на значении роли личности в истории и ценности личных архивов, предвосхитив широкий интерес к эго-документам, возникший в 1990-е годы⁵. Она постоянно убеждала своих собеседников писать мемуары⁶ и сама вела дневник⁷. В этой деятельности ей постоянно приходилось бороться с цензурой, так как она занималась не ортодоксальными темами, и при публикации стремилась расширять границы дозволенного⁸.

Булгаков, Олеша, Зощенко... Литература советского прошлого: без гнева и пристрастия

Как и многие ее современники, Чудакова начинала с изучения «подцензурной литературы»⁹, но ее исследования быстро приняли нонконформистское направление. Используя доступ к неопубликованным текстам, который она имела благодаря своей работе в архивах¹⁰, она одна или вместе с коллегами вытаскивала из неизвестности, опубликовала и прокомментировала внушительное количество материалов.

-
- 5 См.: Чудакова М. Беседы об архивах. М.: Молодая гвардия, 1975 (переизд. 1980), а также ее предисловие к воспоминаниям Сарры Житомирской (1916—2002) «О роли личностей в истории России XX века» (*Житомирская С.В. Просто жизнь*. М.: Росспэн, 2006), переизданное в: Чудакова М. Новые работы 2003—2006. М.: Время, 2007. С. 501—546.
 - 6 Так, например, она убедила Виктора Ноевича Ярхо (1920—2003), с которым познакомилась в Бордо, написать воспоминания. См.: *Ярхо В.Н. Внутри и вне Садового кольца. Воспоминания и размышления обычного заведующего кафедрой*. М.: Лабиринт, 2003.
 - 7 См.: фрагменты ее дневника: Чудакова М. Людская молвь и конский топ // *Новый мир*. 2000. № 1. С. 124—136; № 3. С. 134—147; № 6. С. 136—147.
 - 8 Постскрипtum к переизданию книги о Зощенко дает представление о ее настойчивости и упорстве (Чудакова М. *Литература советского прошлого*. М.: Языки русской культуры. 2001. С. 205—244). Однако она не всегда добивалась своего: не удалось ей включить в книгу «Воспоминания о Ю. Тынянове» (1983) ни воспоминания Юлиана Оксмана, ни рассказ Романа Якобсона, который тот записал специально по ее просьбе и который частично был процитирован в комментариях книги: *Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова*. М.: Наука, 1977. С. 532—533.
 - 9 Это относится к ее кандидатской диссертации, посвященной дагестанскому писателю Эффенди Капиеву (1909—1944), а затем к книге о нем, вышедшей в 1970 году в серии «Жизнь замечательных людей». Одна из первых ее работ была посвящена наследию Фурманова: Чудакова М.О. Архив Д.А. и А.Н. Фурмановых // *Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина*. Вып. 29. М.: Книга, 1967. С. 113—146.
 - 10 Ее служба в рукописном отделе ни в коей мере не была легкой. Этот отдел был под особым надзором властей и поэтому заслуживает отдельного исследования; в 1978 году заведующая отделом Сарра Житомирская вынуждена была уволиться из-за надуманных обвинений. О соображениях Чудаковой по поводу архивного дела см., в частности: Чудакова М. В защиту двойных стандартов // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 4. С. 203—261.

Ее первым достижением в этой области, несомненно, было описание архива Михаила Булгакова¹¹, которого только-только начинали публиковать в Советском Союзе («Мастер и Маргарита» был впервые опубликован в СССР в журнале «Москва» в 1966—1967 годах). Статья Чудаковой, вышедшая под прикрытием безобидного названия, содержала массу информации о писателе и была значительно больше, чем просто описание рукописей. В этом исследовании ей удалось даже коснуться запрещенных в то время произведений Булгакова, таких как «Собачье сердце» (которое было упомянуто там как «третья повесть»)¹². Затем Чудакова продолжила работу над наследием Булгакова. В частности, она занялась восстановлением первого черновика «Мастера и Маргариты» (1928—1929), от которого остались лишь рукописные тетради, частично порванные автором¹³. Но главный свой труд — чрезвычайно подробное исследование «Жизнеописание Михаила Булгакова» — ей приходилось писать в стол. Эту работу Мариэтте Чудаковой удалось опубликовать только в перестройку, сначала в журнале «Москва» в 1987—1988 годах, а впоследствии отдельной книгой¹⁴.

Сейчас о Михаиле Булгакове написано так много, что современному читателю почти невозможно представить, сколько для его изучения сделала Мариэтта Чудакова. Своими работами беспрецедентного уровня эрудиции, точности и глубины анализа она значительно повлияла на последующие статьи и книги. Подкрепленный замечательным знанием текстов и архивов, ее подход отрицал какую-либо возможность умалчивать факты, даже из самых благих побуждений. Она любила повторять: «Правда всегда имеет смысл». Под предлогом содействия возвращению писателя в литературный пантеон некоторые, возможно, хотели бы обойти молчанием его участие в Белом движении или, наоборот, представить его безусловным противником режима и умолчать о существовании его пьесы о Сталине «Батум», написанной в конце 1930-х.

Растущий интерес к Булгакову часто затмевал другие работы Чудаковой, хотя в советский период ей удалось также выпустить книгу о Юрии Олеше («Мастерство Юрия Олеши», 1972) и о Михаиле Зощенко (1979), находившемся в опале с 1946 года. Само название исследования — «Поэтика Михаила Зощенко» — уже противопоставляло себя официальному подходу к Зощенко только как сатирическому писателю. Чудакова дает совершенно иную интерпретацию его юмористическим рассказам двадцатых годов: она видит в них чисто стилистическую попытку дать эквивалент пролетарского писателя, а не

11 Чудакова М.О. Архив М.А. Булгакова. Материалы к творческой биографии писателя // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 37. М.: Книга, 1976. С. 25—151. Этой публикации предшествовали статьи: Чудакова М.О.: 1) К творческой биографии М. Булгакова 1916—1923 (По материалам архива писателя) // Вопросы литературы. 1973. № 7. С. 231—255; 2) Творческая история романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вопросы литературы. 1976. № 1. С. 218—253.

12 Впервые повесть была опубликована в журнале «Знамя» в 1987 году.

13 Чудакова М.О. Опыт реконструкции текста М.А. Булгакова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977. М.: Наука, 1977. С. 93—106.

14 Она была причастна и к открытию Музея Булгакова в Москве, директором которого была ее сестра Инна Мишина (с 2007 по 2012 год). См.: Чудакова М. Мастер в грядущем. Концепция развития музея М. Булгакова. М.: Государственный музей М.А. Булгакова, 2017.

попытку высмеять недостатки НЭПа. Несмотря на небольшой объем книги, в ней много важной информации о Зощенко, она начинается с его жизни до литературного дебюта и охватывает всю его литературную деятельность. В книгу был включен целый раздел о запрещенном произведении писателя — психоаналитической автобиографии «Перед восходом солнца» (1943), полностью изданной в СССР только в 1987 году. Чудакова также занималась Исааком Бабелем, Аркадием Гайдаром, Михаилом Шолоховым, Евгением Замятиным. Она умела находить менее известных, но не менее интересных авторов, таких как Михаил Козырев (1892—1942?).

Несмотря на все различия между Булгаковым и Зощенко, они оба занимают центральное место в той истории советской литературы, которую писала Мариэтта Чудакова.

Дело в том, что она всегда воспринимала свои исследования об отдельных писателях как часть будущей истории русской литературы советского периода, которая не была бы сугубо политической. Поэтому она не любила определение «советская литература»: это понятие ей казалось слишком узким и идеологически заряженным. Она предложила другой вариант: «литература советского периода» или «литература советского прошлого». Свои мысли на этот счет она смогла выразить уже в годы перестройки, когда в журнале «Новый мир» были опубликованы две важнейшие ее статьи — «Без гнева и пристрастия» (1988) и «Сквозь звезды к терниям» (1990)¹⁵.

Для Мариэтты Чудаковой отличительной чертой русской литературы послеоктябрьского периода было ее разделение на три не соприкасающихся между собой пласта: литературу печатную, литературу рукописную (и даже устную) внутри страны и литературу эмиграции (зарубежную). Эволюция русской литературы советского периода характеризовалась несколькими попытками сближения этих пластов: в начале 1940-х годов, когда Булгаков пытался опубликовать «Мастера и Маргариту», а Зощенко — «Перед восходом солнца», затем в 1945-м и 1946-м, когда Борис Пастернак и Василий Гроссман интенсивно работали над своими романами, и, наконец, в период оттепели, когда в 1962 году был опубликован «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, что обозначило соединение литературы рукописной с литературой печатной. Таким образом, русскую литературу советского периода можно разбить на своего рода «циклы», первый должен был бы закончиться в начале 1940-х, но оказался растянут до начала 1960-х из-за войны и ждановщины. Следующий начался в 1960-е и завершился к концу 1980-х.

Может возникнуть вопрос: стоит ли считать настолько разные по стилю произведения Булгакова и Зощенко репрезентативными для конца первого цикла? Несмотря на смену режима после революции, каждое из этих произведений представляло собой последнее слово русской классической литературы: Булгаков считал себя продолжателем ее с самого начала своей писательской деятельности. Что касается Зощенко, то после радикальных поисков 1920—1930-х годов в своем последнем романе он пришел к созданию нового,

15 Чудакова М.О.: 1) Без гнева и пристрастия: формы и деформации в литературе 20—30-х гг. // Новый мир. 1988. № 9. С. 240—260; 2) Сквозь звезды к терниям. Смена литературных циклов // Новый мир. 1990. № 4. С. 242—262. Эти статьи были переизданы затем в сборнике работ Чудаковой «Литература советского прошлого» (2001). Сюда включены также монографии о Олеше и Зощенко.

«нейтрального» стиля, который мог бы заменить литературный стиль дореволюционной эпохи¹⁶. Позже Чудакова постаралась точнее определить свою концепцию, опираясь на понятие «поколение». Такой подход давал ей возможность соединять политическую и социальную составляющую. Каждое новое поколение писателей, появлявшееся в определенном политическом и интеллектуальном контексте, ориентировалось на определенную модель, и «каждому следующему литературному поколению доставалась худшая площадка, чем предшествующему»¹⁷.

Она умела проследить стилистическую эволюцию внутри каждого из литературных «циклов», не исключая ни одной тенденции, стараясь «прочитать» и то, что было напечатано, и то, что осталось только в рукописи, соединяя политико-социальный и литературный анализ. При всем ее несовершенстве эта концепция до сих пор остается единственной попыткой написания истории литературных процессов советской эпохи. Важность этой попытки невозможно переоценить; бесспорно также, что она не получила того резонанса, которого заслуживала. Мариэтта Чудакова дополняла ее своими ценными рассуждениями о том, что такое вообще «советский писатель» или язык советской эпохи¹⁸.

Тынянов, Эйхенбаум, Шкловский: наследие русских формалистов. Организация Тыняновских чтений (1982—2018)

Это стремление к концептуализации несомненно произрастает из ее второй главной темы: русская теория и наследие формалистов. Вместе со своим мужем Александром Чудаковым (1938—2005) и их другом Евгением Тоддесом (1941—2014) она подготовила и выпустила книгу «Юрий Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино» (1977). Это издание стало серьезным импульсом для дальнейшего исследования формализма не только благодаря впервые опубликованным материалам, но и благодаря обширным и подробным комментариям. Хотя позднее эту книгу критиковали, она навсегда останется в истории русской филологии двадцатого века как образец комментированного издания¹⁹. Чрезвычайно жаль, что по разным причинам не удалось в то время издать таким же образом наследие Виктора Шкловского. Среди напечатанных текстов, имевших наибольший резонанс (кроме, разумеется, неизвестных текс-

16 Ее мысли о стилистике Зощенко 1920—1930-х годов см.: Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко. М.: Наука, 1979 (гл. IV. С. 98—130).

17 Чудакова М.О. Заметки о поколениях в Советской России // Чудакова М.О. Литература советского прошлого. С. 381 (впервые: Новое литературное обозрение. 1998. № 2. С. 73—91).

18 Чудакова М.О.: 1) К проблеме «et»: Феномен советского писателя как специфического агломерата биографии и творчества // *Revue des études slaves*. 2001. Vol. 73. No. 4. P. 637—649; 2) Три «советских» нобелевских лауреата (2005) // Чудакова М. Новые работы 2003—2006. С. 193—233; 3) Язык распавшейся цивилизации: материалы к теме (2006) // Там же. С. 234—348.

19 Работами того же масштаба можно назвать издания Григория Винокура или Бориса Ярхо с комментариями Максима Шапира, а также Собрание сочинений в 7 томах Михаила Бахтина.

тов Тынянова), стоит отметить проект перевода «Курса общей лингвистики» Соссюра, предпринятый Александром Роммом, братом кинорежиссера, членом Московского лингвистического кружка²⁰, историю о несостоявшемся замысле Шкловского, Тынянова и Якобсона возродить ОПОЯЗ в 1928—1929 годах и публикацию их переписки. В книге говорилось о формализме в совершенно новой манере: отсутствовал акцент на его «ошибках», давались отсылки к западной критике. Для современного читателя нет ничего необычного в том, что в книге часто встречаются имена Замятина, Мандельштама, Пастернака... но в 70-е годы этих писателей нельзя было упоминать слишком часто. Именно поэтому комментарии так долго не пропускала цензура. Для того чтобы книга вышла, нужно было прибегать к иносказаниям, а также отказаться от указания имен. В 1987 году, десять лет спустя, Мариэтта Чудакова вместе с своими соавторами проделала работу такого же уровня с наследием Бориса Эйхенбаума («О литературе»)²¹.

Вместе с Александром Чудаковым и Евгением Тоддесом, а также при поддержке Вениамина Каверина (1902—1989)²² она сумела организовать Тыняновские чтения в родном городе Тынянова Резекне в Латвии; первые чтения прошли в 1982 году, а затем проводились раз в два года неизменно в Резекне (за исключением проведенных в 2018 году в Москве). По материалам чтений издаются известные «Тыняновские сборники». С 1984 по 2019 год вышло пятнадцать томов, в которых публиковались самые известные филологи: Николай Богомоллов, Александр Долинин, Борис Гаспаров, Михаил Гаспаров, Стефано Гардзонио, Андрей Зорин, Вячеслав Вс. Иванов, Георгий Левинтон, Олег Лекманов, Юрий Лотман, Михаил Мейлах, Вера Мильчина, Андрей Немзер, Александр Осповат, Роман Тименчик, Юрий Цивьян, Андреас Шёнле и другие²³. Главную часть редакторской работы взял на себя Е.А. Тоддес. Первые сборники в основном были посвящены Тынянову, формализму и русской теории. Затем диапазон тем расширялся, вбирая в себя литературу и критику восемнадцатого и девятнадцатого веков и только косвенно касаясь изначальной тематики. Как бы там ни было, эти сборники освещают основные тенденции литературоведения последних тридцати лет и представляют собой неоценимый

20 Этот эпизод был подробно описан в: Чудакова М., Тоддес Е. Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы) // Федоровские чтения 1978. М.: Наука, 1981. С. 229—249.

21 Она также опубликовала несколько статей об этом, см., кроме прочих: Чудакова М.О.: 1) К понятию генезиса // *Revue des études slaves*. 1983. Vol. 55. No. 3. P. 409—418; 2) Социальная практика и научная рефлексия в творческой биографии Б. Эйхенбаума // *Revue des études slaves*. 1985. Vol. 57. No. 1. P. 27—43; 3) Утопия Тынянова-критика // Тыняновский сборник 10. Шестые-Седьмые-Восьмые Тыняновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. М.: [Б.и.], 1998. С. 388—405.

22 Семьи Тынянова и Каверина (Каверин — псевдоним Вениамина Зильбера) были тесно связаны; Тынянов был другом и однокашником старшего брата Каверина Льва Зильбера по Псковской гимназии, в 1916 году он женился на его сестре, а Каверин был женат на сестре Тынянова Лидии. Каверин прилагал немало усилий для сохранения памяти о Тынянове и способствовал переизданию его научных трудов и художественных произведений.

23 Список заведомо неполный; см. роспись содержания «Тыняновских сборников», выполненную Павлом Глушаковым: Новое литературное обозрение. 2024. № 185. С. 371—387.

вклад в историю науки. Среди наиболее важных публикаций хочется отметить воспоминания о Тынянове Юлиана Оксмана (1895—1970), письма Оксмана жене с Колымы²⁴, переписку Эйхенбаума и Жирмунского, большую статью Тоддеса об эволюции Эйхенбаума в 1930—1950-е годы²⁵, публикации Александра Чудакова о Викторе Виноградове²⁶, не публиковавшиеся ранее материалы о журнале «Гермес»²⁷ и т.д. Именно в «Тыняновских сборниках» Лидия Гинзбург (1902—1990) по убедительной просьбе Мариэтты Омаровны согласилась опубликовать впервые свои размышления-воспоминания о 1920-х и 1930-х годах, «Еще раз о старом и новом» (1979), «И заодно с правопорядком...» (1980)²⁸.

Первые работы Мариэтты Чудаковой по русской литературе датируются 1970-ми годами; в 1980-е и 1990-е годы благодаря политическим переменам перед ней открылись новые возможности. Начиная с этого времени ее стали приглашать в американские и европейские университеты для участия в конференциях и чтения лекций.

Мариэтта Чудакова особенно любила Францию, любила приезжать туда отдыхать, была в дружеских отношениях со славистками Лаурой Трубецкой и Марианной Гург, а также с Элен Анри и Мишелем Окутюрье (1933—2017), который позвал ее в 1991 году в качестве приглашенного профессора в Высшую нормальную школу (École Normale Supérieure) на улице Ульм²⁹.

Что касается меня, то я познакомилась с Мариэттой Омаровной, а вместе с ней и с Александром Чудаковым и Евгением Тоддесом, в 1975 году, когда они заканчивали работу над уже упомянутой книгой Тынянова. Они щедро поделились со мной своими знаниями и даже предоставили мне доступ к докумен-

-
- 24 Чудакова М., Тоддес Е.: 1) Тынянов в воспоминаниях современника // Тыняновский сборник 1 / Отв. ред. М.О. Чудакова. Riga: Zinatne, 1984. С. 78—104; 2) Из переписки Ю.Г. Оксмана // Четвертые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Riga: Zinatne, 1988. С. 96—168.
- 25 Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского (предисл. и коммент. Е.А. Тоддеса) // Тыняновский сборник 3. Третьи Тыняновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Riga: Zinatne, 1988. С. 256—329; Тоддес Е. Б.М. Эйхенбаум в 30—50-ые годы (К истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции) // Тыняновский сборник 11. Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы / Отв. ред. М.О. Чудакова. М.: ОГИ, 2002. С. 563—691. Сборники также содержат другие важные статьи Е.А. Тоддеса, в том числе о трудах Тынянова и о Мандельштаме.
- 26 Чудаков А.: 1) В.В. Виноградов: арест, тюрьма, ссылка, наука // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Riga; М.: [Б.и.], 1995—1996. С. 464—494; 2) Учусь у Виноградова // Тыняновский сборник 10. С. 822—884.
- 27 Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: машинописный журнал «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Riga: Zinatne, 1990. С. 167—210.
- 28 Гинзбург Л.: 1) Еще раз о старом и новом (Поколение на повороте) // Тыняновский сборник. 2 / Отв. ред. М.О. Чудакова. Riga: Zinatne, 1986. С. 132—140; 2) «И заодно с правопорядком...» // Тыняновский сборник 3. С. 218—230. Оба текста были переизданы в: Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель, 1989. С. 294—305; 305—319, а также в: Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 276—284; 285—296. Как известно, название второго эссе — цитата из стихотворения Пастернака начала 1930-х годов, написанного по образцу пушкинских «Стансов» (1826).
- 29 См. текст Мариэтты Чудаковой, посвященный памяти Мишеля Окутюрье: Чудакова М.О. «...Острый галльский смысл...» // Revue des études slaves. 2018. Vol. 89. No. 3. P. 417—419.

там по роману Каверина «Скандалист», которым я тогда занималась. Именно после этой встречи я решила посвятить себя изучению Тынянова и формализма. В последующие годы Мариэтта Чудакова и ее круг всегда встречали меня с большой теплотой и никогда не отказывали мне в поддержке³⁰. Я была не единственной, кто им был обязан. Их горячее желание развивать любимое дело проявлялось как в том бескорыстии, с которым они помогали иностранным славистам, так и в активном сотрудничестве с международными институтами (можно сказать, что в этом они продолжали традицию Юлиана Оксмана, не боявшегося переписываться с иностранцами в годы оттепели). Уход Мариэтты Омаровны, вслед за уходом Александра Чудакова и Евгения Тоддеса, — большая потеря, которая будет иметь серьезные последствия для мирового научного сообщества.

Выдающаяся личность, полная энергии, не жалевшая для дела ни времени, ни здоровья, Мариэтта Чудакова оставила глубокий след в русском литературоведении не только благодаря мощи своих работ, но и благодаря активнейшему участию в научной и общественной жизни, бескомпромиссному, твердому и щедрому характеру. Больно осознавать, что мы ее потеряли — и к этой боли добавляется чувство, что с ее уходом окончательно завершилась целая глава в истории русской филологии двадцатого века.

Перевод с фр. Марии Карасевой

30 Мне удалось пригласить Мариэтту Омаровну на две конференции, организованных Институтом славянских исследований и Университетом Париж — Сорбонна. Первая конференция — в 1981 году — была посвящена Тынянову, вторая — в 1983 году — Эйхенбауму. По материалам конференций были выпущены два специальных номера *Revue des études slaves* (1983. Vol. 55. No. 3; 1985. Vol. 57. No. 1).